

Бгажноков Барасби Хачимович

О ПЕРВОБЫТНОМ ЗОО- И ПЛАНТОЦЕНТРИЗМЕ МАЙКОПСКИХ ПЛЕМЕН

Представлена новая интерпретация уникальных артефактов майкопской культуры: фигур собачек (серебряной и бронзовой), найденных у изголовья ребенка, захороненного в двухкамерной гробнице (курган № 31 близ станицы Новосвободной), а также изображений на серебряных сосудах из кургана Ошад. Сопоставление этих находок с некоторыми особенностями лексико-семантической системы черкесского языка позволяет высказать предположение о господстве первобытного зоо- и плантоцентризма у майкопско-новосвободненских племен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/7.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 31-34. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 903.26(470.62/67)

Исторические науки и археология

Представлена новая интерпретация уникальных артефактов майкопской культуры: фигур собачек (серебряной и бронзовой), найденных у изголовья ребенка, захороненного в двухкамерной гробнице (курган № 31 близ станицы Новосвободной), а также изображений на серебряных сосудах из кургана Ошад. Сопоставление этих находок с некоторыми особенностями лексико-семантической системы черкесского языка позволяет высказать предположение о господстве первобытного зоо- и плантоцентризма у майкопско-новосвободненских племен.

Ключевые слова и фразы: Северный Кавказ; ранний бронзовый век; IV тыс. до н.э.; майкопская культура; культ собаки; черкесский язык; натуфийцы; культ животных; культ растений; первобытный зооплантоцентризм.

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
kbigi@mail.ru*

О ПЕРВОБЫТНОМ ЗОО- И ПЛАНТОЦЕНТРИЗМЕ МАЙКОПСКИХ ПЛЕМЕН

В 1979 г. известный российский археолог А. Д. Резепкин обнаружил в одном из курганов могильника Клады близ станицы Новосвободной в Адыгее уникальную дольменообразную двухкамерную гробницу [9]. Среди множества других разнообразных предметов, типичных для майкопской культуры, инвентарь захоронения включал в себя фигурки двух собачек. Одна из них длиной 5,5 см была отлита из бронзы, а другая длиной 3,5 см – из серебра (Рис. 1). На длинном хвосте (1,8 см) бронзовой собачки, на его конце, располагалась серебряная обоймочка шириной 0,4 см, диаметром 0,2 см [10, с. 37, 41-42].

Значимость такой находки в составе погребального обряда хорошо известна. Согласно верованиям и мифам, сложившимся в глубокой древности, собаки отвращают зло, служат проводниками и помощниками душ мертвых в их путешествии в потусторонний мир. Особенно важным считалось использование этих свойств собаки для охраны и оберега детей, как наиболее слабых и незащищенных в сообществе людей. Захоронения детей вместе с собаками в древности практиковались на Гаваях, у эскимосов, во многих других областях и особенно в Евразии. В могильнике Попово в Восточном Прионежье рядом с погребением ребенка 7-9 лет была обнаружена яма, прикрытая скелетом двух собак [8, с. 82-85]. Захоронения детей с собаками найдены в Забайкалье в комплексах Глазковского некрополя неолитического периода. А. П. Окладников подчеркивал в данной связи, что собакам принадлежало важное место в погребальном обряде как проводникам умерших, особенно новорожденных и маленьких детей, в потусторонний мир, в страну мертвых [7, с. 302].

В таком широком, общекультурном контексте следует рассматривать и фигурки двух собачек, найденных А. Д. Резепкиным. Они лежали у изголовья ребенка 7 лет под отверстием, которое служило входом во вторую камеру гробницы, среди сложенных в два-три слоя великолепных изделий из золота и дорогих камней – майкопская культура предстает здесь во всем своем блеске, на пике своего развития.

Рис. 1. Фигурки собачек из могильника Клады (по А. Д. Резепкину). Бронзовая сверху, серебряная снизу

По-видимому, еще в IV тыс. до н.э. у племен майкопско-новосвободненской общности культ собаки сложился достаточно отчетливо как сумма представлений об особых, в том числе мистических свойствах данного животного, как система основанных на этом обычаях и ритуалах, в том числе и погребальных.

Особый статус собаки обнаруживается и в ходе анализа лексико-семантической системы черкесского (адыгского) языка, на котором предположительно говорили носители майкопской культуры [2, с. 12-20]. Выясняется, что семантема *хъэ* в одном из ее главных значений – «собака» – используется в языке черкесов

для обозначения огромного числа живых существ: диких зверей, пресмыкающихся, крылатых и бескрылых насекомых. Ср.: *мэзыхэ* – «волк», *хэмыцэ* – «медведь», *хэлуцыз* – «шакал», *хэццомыц* – «леопард», *хэццэ* – «лев», *хэплацлэ* – «червь», *хэндывабгэуэ* – «бабочка».

Итогом действия языкового сознания в данном направлении становится выделение на основе элемента *хэ* различных подразделений животного мира. Обозначением класса диких животных становится слово *хэклэкхэуэклэ* – букв. «собаковепреподобные». Для выделения класса пресмыкающихся вводится термин *хэццухуцц* – букв. «ползучие собаки», а для наименования крылатых и бескрылых насекомых – сложное слово *хэццлэнлацлэ* – букв. «собаки, подобные вшам и червям».

В большую лексико-семантическую группу объединяются также слова, в которых семантика *хэ* используется для образования слов, значение которых связано с хлебными растениями, с их производством и использованием: *хэ* – «ячмень», *хэдэ* – «зерно», *хэ-мций* – «рожь», *хэм*, *хэмэши* – «ток», «гумно», *хэжыгэ* – «мука», *хэ-кьурт* – «мука из жареной кукурузы», *хэлу* – «чурек», *хэлыгэу* – «хлеб», «сдобный хлеб», *хэлыгэуанэ* – «бублик», *псыхэлыгэуэ* – «вареники», *хэ-лывэ* – «пирожок», *хэлэжэвей* – «густая каша из ячменной муки», *хэуазэ* – «солома», *хэццэцэ* – термин, объединяющий колосовые, злаковые, хлебные растения.

Производящая основа *хэ* содержится и в сложных словах, являющихся обозначением отдельных категорий людей, социальных и социально-территориальных объединений, институтов: *хэццлэ* – «гость», *хэблэ* – «поселение», *хэгэуэллыгэуэ* – «свадьба», «свадебное торжество» и др. Аналогичный потенциал элемента *хэ* используется в словах *хэку* – «печь» и *хэдэ* – «групп», «мертвец». В первом случае акцент сделан на расположении печи в центре (*ку*) жизненного пространства, ограниченного комнатой, во втором – на том, что живое существо – *хэ* – перестало существовать в этом качестве, что передается через детерминатив *д/дэ*.

Логическим завершением этой сложной, поистине грандиозной работы языкового сознания является слово *хэуа* – «воздух», «воздушное пространство». В сущности, это предельно точное обозначение биосферы, то есть той части атмосферы, в которой возможна жизнь. Этому способствует соединение элемента *хэ* со словом *уэ/уа* – «небо», «небесное (воздушное) пространство». Внутренняя форма композита *хэуа* предстает в результате такого объединения в виде словосочетания «животворящая сфера», «сфера жизни», «жизненное небесное (воздушное) пространство».

Присутствие основы *хэ* угадывается в слове *Тхэ* – Бог. Возникает сложное понятие со значением «даритель жизни, живого». Первая часть данного слова *т*, *тын* означает «давать», что соответствует аналогичному значению этой единицы в индоевропейском, а также в шумерском языке. Отсюда, возможно, греческое *Theos* – «Дающий, даритель», шумерское *Нинти* – «Госпожа (Богиня), дающая жизнь» [6, с. 99].

Не исключаю также, что теоним *Тхэ* соотносится некоторым образом (через метатезу) с этнонимом *хэат*. Отличие здесь лишь в том, что элемент *т* со значением «творить», «давать» стоит в последнем случае в постпозиции к производящей основе *хэ* – «живой», «живое», сообщая нам о первичных свойствах, которые легли в основу данного этнонима с внутренней формой «животворящий», «жизнеутверждающий». Видимо, этот образ и соответствующий ему термин возникли как древнейшее самоназвание хатто-абхазо-адыгских племен, в отличие от более узкого, не покрывавшего весь массив майкопско-анатолийской общности термина *кас/каска*, положенного в основу экзоэтнонима *касаг/джаркас/черкес*.

Диапазон слова *хэ*, как мы убеждаемся, необычайно велик. В семантическом поле этой единицы языка оказываются среда обитания человека, людские массы и группы (антропосфера), глобальная экосистема земли, различные виды и формы социального, животного и растительного мира. Видимо, в данном слове мы имеем дело с обозначением жизненного пространства и живых существ в целом, с выделением в языковом сознании самого понятия «живое». Семантика *хэ* используется даже в обозначении мертвого человека с указанием на его качественно новое, неживое состояние – *хэдэ*. Она знаменует вычленение из окружающей действительности живой субстанции, отделив ее от всех форм неживой, «мертвой» субстанции.

В то же время с этимологией *хэ* целиком совпадают только два слова из этого огромного списка: «собака» и «семя/ячмень/хлеб». В черкесском языковом сознании они представлены в качестве составной части древней картины мира древнего человека, воспринимавшего действительность и особенно все растущее, развивающееся, живое в этой действительности как чудо, как дар природы. Такое движение языкового сознания сыграло не последнюю роль в формировании особого, благоговейного отношения к хлебу и такого же отношения к собаке. В традиционной культуре народа, в характере черкесского языка закрепился культ собаки и мистически связанный с ним культ растений и хлеба [1, с. 103-112].

Как видим, культ собаки у древних майкопцев был частным и наиболее ярким проявлением *первобытного зоо- и плантоцентризма* – мировоззрения, согласно которому в производстве, воспроизводстве и поддержании жизни на земле отдавалось предпочтение животным и растениям, а не человеку. В соответствии с такой системой воззрений центром мироздания и мерой всех вещей является не человек (формула Протагора), а природа, прежде всего животный и растительный мир.

Судя по всему, у майкопских и у некоторых других древних племен сформировалась философия жизни, согласно которой не только растительный, но и животный мир старше человека, первичен по отношению к нему. Создаются мифы, согласно которым целые племена произошли от тех или иных животных. Особенно часто в качестве прародителей человека выступают собаки или волки. В Средней Азии, к примеру, некоторые племена вели свое происхождение от собаки [5]. По словам Ю. А. Зуева, здесь сформировался тотемический культ Небесного пса – посредника между людьми и небом. Его почитали как защитника и творца всего растущего, в том числе многочадия [Там же]. Эта же идея четко выражена и красной линией проходит

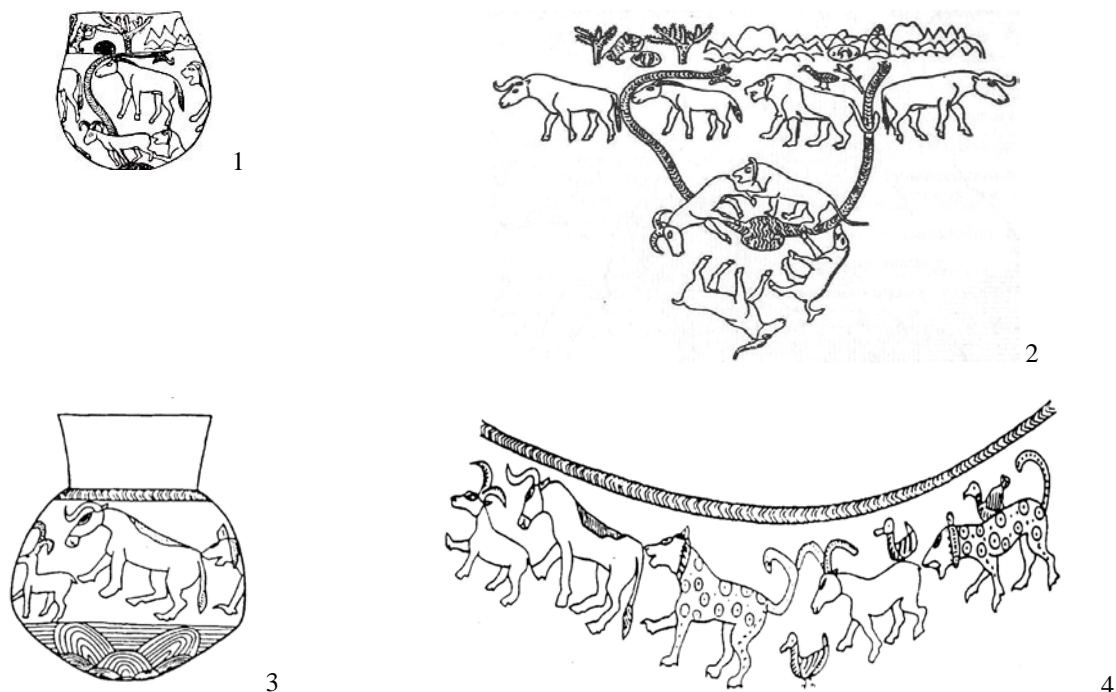
через древнюю историю и языковое сознание черкесов и других народов мира. Позднее, уже в период расцвета древних культур Ближнего Востока формируются представления о существах, сочетающих в себе отдельные черты собаки (волка) и человека: *Анубис* – у египтян, *Хьэщхэвльэ* – у черкесов. Возникают и другие сочетания человека с представителями животного мира – со змеями, рыбами (вишапы), лошадьми, львами, птицами и др., знаменуя этап перехода от зооцентризма к антропоцентризму.

В любом случае это свидетельствует о том, что все живое на земле (в том числе человек) ассоциировалось с животным и растительным миром, было поставлено в зависимость от этого мира. На этой почве возникает и повсеместно распространяется с самого начала культ животных и растений.

Нет ничего удивительного и в том, что у многих древних племен и народов такой образ восприятия и объяснения жизни был связан с собакой, с представлениями о мистических свойствах данного животного. Собака раньше других животных была одомашнена человеком, стала его спутником, верным другом, помощником, защитником, охранником. Дальнейшее развитие получает вслед за этим значение собаки как жертвенного животного, выполняющего защитные функции, возложенные на нее при жизни. Ранние захоронения людей с собаками, найденные в Леванте, датируют 12 тыс. до н.э., когда там жило племя охотников-собирателей натуфийцев [11]. В этот период собаки уже использовались человеком как помощники в охоте, для охраны жилища и домашнего скота. Человек уже не мыслил своего существования без этих помощников, поэтому собаки «сопровождали» его и в загробном мире, став частью погребального обряда. Со временем такая практика распространяется во всем мире. В период мезолита, неолита и последующего времени останки собак находят повсеместно на местах древних стоянок, поселений, захоронений. Например, останки собаки обнаружены в погребениях, рассеянных среди остатков мезолитического поселения в Тевьеке на северо-западе Франции [3]. На охранное, терапевтическое значение подобных захоронений указывает в ряде случаев их локализация. В энеолитическом поселении Ботай в Северном Казахстане захоронения собаки или их черепов находят под порогом жилищ [4, с. 41].

Функции, близкие к охранным, выполняли в майкопской культурной традиции и другие животные, ассоциировавшиеся с собакой. Прежде всего, это относится к барсам (леопардам), изображения которых вместе с другими представителями животного мира мы видим на тулове двух серебряных сосудов из кургана Ошад. На каждом из них сложные рисунки, отображающие красоту и гармонию природы Кавказа.

При внимательном рассмотрении можно заметить, что перед нами поэтичная картина среды обитания майкопских племен. Нетрудно выделить и некоторые главные темы и компоненты этой весьма изощренной композиции. Первое – изображение лесов и гор с возвышающимися над ними громадами Эльбруса и Казбека. Второе – символика двух главных рек – Кубани и Терека, поддерживающих жизнь земли. Третье – символика самой земли, покоящейся на необъятных водных (морских и океанских) просторах. Четвертое – разнообразие и красота дикой природы Кавказа, лесов и гор, птиц и зверей, животного и растительного мира. Пятое – красота и гармония жизни, в которой дикие звери, животные и птицы мирно соседствуют и сосуществуют друг с другом. Это, иначе говоря, гимн природе, воплощенный в сложном рисунке гимн родному краю.

Рис. 2. Изображения на серебряных сосудах из майкопского кургана Ошад: 1 – общий вид первого сосуда; 2 – прорисовка изображений на горлышке и тулове первого сосуда; 3 – общий вид второго сосуда; 4 – прорисовка орнаментального пояса на тулове второго сосуда

Добавим к этому, что основу такого великолепия природной жизни и среды составляет орнаментально представленное на дне сосуда озеро. Это символ мирового океана, из которого, согласно древней мифологии, рождается земля и все, чем она богата. И такие представления были вполне естественны для людей, жизнь которых была тесно связана с морями: Черным, Азовским, Средиземным, Каспийским.

Продолжает основную тему данной композиции изображение на тулове второго серебряного сосуда. Перед нами еще более выразительное, чем на первом сосуде, завораживающее шествие зверей, животных и птиц: двух барсов, одного быка, двух туров и трех птиц. Одна из птиц сидит на туре, другая даже не сидит, а возлежит на барсе, третья спокойно стоит между барсом и туром. Строгий порядок и спокойное, деловитое движение всей этой необычной компании подчеркивает мирный характер шествия, выражает идею гармонии природы. Особенно показательны в этом отношении леопарды с ошейниками, символизирующими домашний, кроткий характер и настрой этих традиционно свирепых зверей, вид которых несколько не пугает быков, лошадей, туров, птиц.

В отношении птиц следует заметить, что в каждой из них – стоящей на земле и сидящих на леопарде и туре – легко угадываются утки. Их присутствие в шествии, видимо, не случайно и связано каким-то образом с изображением на дне сосуда водного пространства, с мифом о сотворении земли из ила, поднятого утками со дна моря.

И последнее, на что следует обратить особое внимание, – отсутствие изображений человека на каждой из двух рассмотренных композиций. Тем самым утверждается наибольшая значимость в производстве и воспроизводстве жизни представителей животного и растительного мира, что соответствует общей идее зооплантоцентризма как этапа культурной истории, предшествовавшего антропоцентризму.

Изображения на двух серебряных сосудах из кургана Ошад, а также другие шедевры майкопско-новосвободненской металлопластики позволяют представить, каких технологических и этико-эстетических высот достигла культура майкопцев. По богатству, по художественной и исторической ценности артефактов майкопская культура представляет собой феномен мирового значения. Но дело не только в этом. За необычайно выразительным отображением природы, растительного и животного мира Кавказа легко угадывается также и характер общества, сплоченность, одухотворенность людей, создавших эти шедевры. Северокавказское общество этого периода переживало одно из лучших времен своей истории, что было обусловлено во многом благоговейным отношением к природе, развитым нравственно-экологическим сознанием.

Список источников

1. **Бгажноков Б. Х.** Культ пищи и пищевой аниматизм // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2001. № 2. С. 103-112.
2. **Бгажноков Б. Х.** Культ собаки и семантика хъэ в языковом сознании черкесов // Вестник КБИГИ. Нальчик: Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, 2016. № 1 (28). С. 7-21.
3. **Жно П.-Р.** Брегонцы. Романтика моря. М.: Центрполиграф, 2005. 204 с.
4. **Зайберт В. Ф.** Атбасарская культура. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1992. 222 с.
5. **Зуев Ю. А.** Самое сильное племя // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и-Кипчака в XIII-XVIII вв.: материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. 54 с.
6. **Крамер С. Н.** История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965. 257 с.
7. **Окладников А. П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Глазковское время. Ч. III. М. – Л.: Институт истории материальной культуры, 1955. 372 с.
8. **Ошибкина С. В.** Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М.: Гриф и К, 2006. 322 с.
9. **Резепкин А. Д.** Курган № 31 могильника Клады: проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167-197.
10. **Резепкин А. Д.** Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб.: Нестор-История, 2012. 344 с.
11. **Davis S. J. M., Valla F. R.** Evidence for Domestication of the Dog 12 000 Years Ago in the Natufian of Israel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nature.com/nature/journal/v276/n5688/abs/276608a0.html?foxtrotcallback=true> (дата обращения: 17.08.2017).

ON PRIMITIVE ZOO- AND PLANTO-CENTRISM OF MAYKOP TRIBES

Bgazhnokov Barasbi Khachimovich, Doctor in History
Kabardino-Balkarian Institute of Humanities Researches in Nalchik
kbigi@mail.ru

The article introduces new interpretation of unique artifacts of Maykop culture: dog figures (silver and bronze) discovered at the bedside of a child buried in a two-chamber tomb (tumulus № 31 near Novosvobodnaya stanitsa) and images on silver vessels from Oshad tumulus. Comparing these findings with certain peculiarities of the Circassian lexico-semantic system allows the author to suggest prevalence of primitive zoo- and planto-centrism among Maykop-Novosvobodnaya tribes.

Key words and phrases: North Caucasus; Early Bronze Age; IV millennium B.C.; Maykop culture; dog cult; Circassian language; the Natufians; animal cult; plant cult; primitive zoo-planto-centrism.